Д.Е. СОРОКИН

КРЕАТОСФЕРА И/ИЛИ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ДИСКУССИЯ НЕ О ТЕРМИНАХ, А О СОДЕРЖАНИИ

СОРОКИН Дмитрий Евгеньевич – член-корреспондент РАН, первый заместитель директора Института экономики РАН, зав. кафедрой “Макроэкономическое регулирование” Финансового университета при Правительстве РФ (E-mail: sorokind@inecon.ru).

Кто имел отношение к проблемам политической экономии в 1960–1970-е гг., помнят, какие дискуссии шли среди советских политэкономов на тему, является ли общественная собственность отдельным отношением или их системой и следует ли ее считать основным или исходным экономическим отношением при социализме; как соотносятся категории планомерности и пропорциональности и, соответственно, как правильно их писать: через союз “и”, дефис или “пропорциональность” ставить в скобках. Между тем реальная, а не книжная экономическая жизнь шла, подчиняясь своим внутренним закономерностям, далеким от терминологических дискуссий. В экономике нарастали диспропорции, планы социально-экономического развития все меньше совпадали с реальностью, а создаваемые людьми производственные мощности не воспринимались ими как общие, используемые на общее благо.

Ни в коем случае я не пытаюсь упрекнуть политэкономов того времени – своих учителей, прививших мне вкус к экономическим знаниям, – в том, что они занимались схоластикой, а не исследовали реальные экономические процессы. Они были принуждены к этому политической системой. Тех, кто пытался в своих исследованиях познать реальные закономерности созданной экономической системы, в лучшем случае лишали права на профессиональную деятельность. Потому результаты таких исследований ложились “в стол” и обсуждались не на публичных научных конференциях, а на “кухнях”. Автору повезло – он оказался в числе приглашаемых на такие неформальные дискуссии.

Эта уже далекая история невольно вспомнилась при чтении текстов моих давних коллег и товарищей А. Колганова и А. Бузгалина. Сразу оговорюсь, я разделяю, пусть и с некоторыми нюансами: оценки авторами проводимой экономической политики и ее итогов; причины сложившихся негативных трендов и прежде всего мысль, что в их основе лежат не “просчеты” или “ошибки” в экономической политике, а установившаяся система экономических отношений, формирующая у главных акторов экономической жизни интересы далекие от объективных потребностей социально-экономического развития страны (№ 1, с. 81–83); наконец, центральную идею, что развитие экономики, не нацеленное на развитие человека, ведет в цивилизационный тупик. Но противопоставление курса экономической политики на реиндустриализацию экономики курсу на развитие человека (креатосферы – в терминологии авторов (№ 1, с. 86)) вызывает удивление.

По мнению авторов, реиндустриализация, принятая в качестве целевой установки современной российской экономической политики, уводит ее от действительно необходимого развития самого человека. Причину видят в том, что использование этого термина де факто приводит к лозунгу восстановления традиционного производства индустриального типа (фордистского, а то и более примитивного типа) (№ 3, с. 122). *Главным* приоритетом, по их мнению, должно стать *развитие креатосферы* (т.е. в постиндустриального в строгом смысле этого слова сектора) (№ 3, с. 121–123).

Кто-то, действительно, может воспринимать реиндустриализацию, как установку на восстановление советской промышленности, разрушенной в годы острой фазы системного кризиса 1990-х гг., что повторит ситуацию восстановления народного хозяйства после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Если в СССР *восстанавливали* разрушенные мощности, то в Германии и Японии происходило *обновление* основного капитала, т.е. восстановление его на новой технологической основе. В результате закладывалось технологическое отставание российской экономики. Конечно, сейчас речь должна идти о необходимости *восстановления промышленного (в широком смысле этого понятия) потенциала* России на принципиально *новой технологической основе*. Такому пониманию препятствует термин “реиндустриализация”? Не буду возражать¹. Предложите иной. Пусть будет “технологическое обновление, перевооружение” или что-то еще более понятное. Только не надо забывать – нам надо не только технологически перевооружать *имеющийся* промышленный потенциал, но и *наращивать*, что в данном случае адекватно понятию “восстановление потенциала”.

Новые технологии коренным образом меняют содержание труда и структуру экономики, формируя постиндустриальную экономику, суть которой, по мнению авторов, в “массовом распространении общедоступной творческой деятельности”. Согласен. Но только почему эта экономика должна называться постиндустриальной?

Недавно я был на предприятии, технологические линии которого – комплекс современного интеллектуального оборудования. Работники цеха (не могу назвать их рабочими), сплошь молодежь, выпускники высших и средних специальных учебных заведений выполняют те самые творческие функции контроля, регулировки и т.п., о которых когда-то писал К. Маркс. Результат – металлоизделия – комплектующие для современной интеллектуальной конечной продукции. Это производство надо назвать постиндустриальным сектором экономики? Согласен, что характер труда здесь постиндустриальный, но сектор экономики все-таки индустриальный.

Но в данном случае важно не это. Мы, теоретики, можем, конечно, продолжать дискутировать о применимости и адекватности той или иной терминологии. Но может более важно для формирования грамотной экономической политики государства, чтобы мы выяснили: почему управляющий этим – подчеркиваю, экономически успешным – предприятием, инженер с большим советским стажем, считает, что ему нужен не госзаказ, который составляет 90% объема производства, т.е. является основой нынешнего экономического благополучия, а конкуренция, которой сейчас у него нет?

В силу независящих от России обстоятельств обязательным условием сохранения ее субъектности в нынешних границах является конкурентоспособность ее экономики в т.н. ключевых (в т.ч. оборонных) секторах. В свою очередь для этого необходимо иметь производства, способные создавать оборудование для этих секторов. Сегодня, в силу известных причин, положение в этой сфере близко к катастрофическому². Надеяться выйти из этой ситуации за счет импорта не приходится³. Именно это содер-

¹ Этот аспект авторы справедливо подчеркивают, когда подробно рассматривают различные варианты понимания терминов “индустрия”, “индустриальный”, “постиндустриальный” (№ 1, с. 86–88).

² Выступая на совещании о реализации государственной политики в области развития ОПК на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу (20.02.12.) В. Путин отмечал: “...20 трлн предусмотрели на гособоронзаказ до 2020 г., а как его выполнять, если мы хотим получить новейшие образцы вооружения на старом оборудовании?! Значит, начинать-то надо, прежде всего, с самого оборонно-промышленного комплекса: нужны новые станки, новые технологические линии”.

³ Об этом, в т.ч. свидетельствуют приводимые в СМИ сведения об отказах в импорте систем ЧПУ для пятикоординатной обработки деталей, включения странами ЕС, США, Японией в контракты о поставках в Россию в качестве обязательного условия лицензирования экспорта технологий двойного назначения, в котором оговаривается запрет на несанкционированное использование и перемещение наукоемкого механообрабатывающего оборудования (напр., требование оснащения оборудования датчиками контроля местоположения с помощью GPS или обязательное подключение оборудования к сети Интернет). Отсюда понятно, почему С. Иванов, будучи в статусе первого заместителя председателя правительства, на совещании по проблеме отечественного станкостроения (г. Иваново, июль 2007 г.) отмечал, что “обеспечение отрасли машиностроения России отечественными станками наиболее наукоемких категорий – вопрос национальной безопасности”.

жание имеется в виду, когда в качестве ключевого направления современной экономической политики определяется реиндустриализация национальной экономики. Заранее согласен на любую другую терминологию, не меняющую содержание. Повторю только еще раз, экономические дискуссии должны разворачиваться не вокруг терминологии, а вокруг исследования объективных причин, препятствующих проведению такой политики, и выработке предложений по их нейтрализации.

Только не могу согласиться, что определение технологического перевооружения в качестве ключевого (подчеркну: в данной конкретной ситуации, сложившейся в российской экономике) направления экономической политики противоречит стратегическому курсу на приоритетное развитие креатосферы. Не понаслышке зная о ситуации, сложившейся в школе, высшем и среднем специальном образовании, считаю чудом, что оно еще способно давать специалистов, способных к постиндустриальному труду на индустриальных предприятиях. Потребности человека, занятого творческим трудом далеко выходят за рамки примитивного материального потребления. Следовательно, без развития сферы культуры – в самом широком смысле этого понятия – такой работник не сможет реализовать свои творческие потенции и переход к новому технологическому укладу не состоится⁴.

Не противопоставление задач освоения нового технологического уклада и развития креатосферы, а их органическое единство, основанное на понимании невозможности одного без другого, – вот, что должно определять современную экономическую политику.

Сегодня Россия имеет уникальный – может быть в первый раз за свою историю – шанс: произвести переход к новому технологическому укладу *не за счет “ущемления”* сфер, формирующих творческую, нравственно и физически развитую личность, а осуществлять это *в сопряжении, как обязательное условие* этого перехода. Материальной базой этого являются накопленные (в т.ч. в офшорах) резервы, а также средства, могущие быть полученными за счет *“сокращения паразитической посреднической составляющей экономики”*, в чем я также согласен с авторами.

⁴ В этом смысле можно поддержать активно пропагандируемую авторами идею существенного расширения инвестиций, в том числе государственных, в то, что они называют “креатосферой” – образование, науку и т.д. (№ 3, с. 126–127).

© 2014 г.

МОСКОВСКИЙ А.И.

“РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ” ИЛИ “ПРИОРИТЕТНОЕ РАЗВИТИЕ КРЕАТОСФЕРЫ?”

МОСКОВСКИЙ Александр Иванович – кандидат экономических наук, доцент кафедры политической экономии экономического факультета МГУ (E-mail: amoskovskij@yandex.ru).

В России все настойчивее обсуждаются две стратегические альтернативы. Первая представлена работами С.С. Губанова, поддерживающего идею авторитетных экономистов и, как минимум, шестью годами целенаправленной проработки [Губанов, 2008а; 2008б]. Она убедительна, хорошо аргументирована. Совпадает с позицией